
«ОТЧИЙ ДОМ» КАК ИТОГ ЖАНРОВЫХ ПОИСКОВ Е.Н. ЧИРИКОВА

А.В. Назарова

Кафедра истории русской литературы XX века
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ул. Воробьевы горы, 1-й корпус, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается жанровое своеобразие семейной хроники Е.Н. Чирикова «Отчий дом», в частности вопрос о влиянии и трансформации в структуре произведения жанра русского «классического» романа.

Ключевые слова: эмигрантская проза, Е.Н. Чириков, семейная хроника, жанры, роман-эпопея.

Написанный Е.Н. Чириковым в эмиграции роман-эпопея «Отчий дом» (1929—1931) стал его итоговым произведением. В нем писатель осмысляет те исторические и общественно-политические процессы, которые привели Россию к трагедии 1917 года. Такая авторская установка выделяет эпопею Чирикова из большого ряда произведений других литераторов, оказавшихся в эмиграции, чьи тексты, даже написанные еще до отъезда из России, как, например, «Окаянные дни» И.А. Бунина или «Слово о погибели Русской земли» А.М. Ремизова, представляют собой либо документальные свидетельства произошедшего, либо рисуют ностальгические картины прошлого («Юнкера» А.И. Куприна, «Лето Господне» И.С. Шмелева и др.).

Одним из первых попытку «дать панораму русской жизни на всем протяжении царствования Николая II и первых четырех лет революции» [1. С. 93] предпринял П.Н. Краснов, бывший генерал царской армии, опубликовавший в 1921—1922 гг. двухтомный роман «От Двуглавого Орла к красному знамени». Но критики отмечали, что Краснову «удались только батальные сцены и описания хорошо знакомой ему военной жизни», все же «остальное в романе — и особенно психология действующих лиц — было крайне слабо» [1. С. 93]. Впрочем, находились люди, которые сравнивали роман Краснова с «Войной и миром» Толстого, и «не только по заданию, но и по исполнению» [1. С. 93].

Замысел «Отчего дома» также можно сопоставить с идеей великой эпопеи, к которой Толстой пришел от замысла романа о декабристах. Исследуя истоки декабристского движения, художник сделал вывод о необходимости обратиться к эпохе Отечественной войны 1812 года, сформировавшей, по его справедливому убеждению, будущих дворянских революционеров. В свою очередь, Чириков начал с осмысления «трагедии беженства» (отразив ее в сборнике повестей «Красный паяц» (1928), романах «Зверь из бездны», «Мой роман» (оба — 1926), когда в результате Гражданской войны миллионы русских людей, в том числе сам писатель и его семья, оказались изгнаны с родины и вынуждены были скитаться

в поисках крова. В итоге Чириков приходит к выводу, что причины свершившейся катастрофы необходимо искать в предшествующей эпохе. Корень бед видится ему в деятельности революционных фанатиков, берущей начало в «Народной воле», а затем расцветшей в левых партиях конца XIX века. Утверждая, что цель оправдывает любые средства, а политическое убийство не только допустимо, но и необходимо, революционеры тем самым преступили все нравственные законы и ввели русскую совесть «в неопишное смущение» [2. Т. 1. С. 29]. С другой стороны, по мнению писателя, вина за свершившуюся катастрофу в равной степени лежит не только на революционерах, которые не могли сами «свалиться с небес», но и на слабовольном царе, и его окружении, которое в большинстве своем составляли авантюристы или закостенелые консерваторы. Не меньшую ответственность несет и интеллигенция в целом, всегда отделенная пропастью от народа, а также и сам народ, который «безмолвствовал» или глухо роптал.

Для художественного воплощения своего грандиозного замысла Чириков избрал особую жанровую форму — семейную хронику, настаивая именно на таком определении. Однако нельзя не заметить существенных расхождений эпопеи Чирикова с «классическими» образцами этого жанра — семейными хрониками С.Т. Аксакова, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.Н. Толстого и др. И это неудивительно, поскольку, «как и многие другие писатели, Чириков в эмиграции ищет новые жанровые формы, дабы передать новое, изменившееся мироощущение» [3. С. 605].

Традиционно в семейной хронике изображается «бытовое течение жизни» нескольких поколений дворянского рода во взаимоотношениях с крестьянством. Их описание и анализ позволяет автору продемонстрировать, что настоящее (судьба «внуков») закономерно обусловлена прошлым (делами «отцов» и «дедов»), а за судьбой конкретного рода просматривается судьба всего дворянского класса [4. С. 65]. И «Отчий дом» знакомит читателя с судьбой трех поколений Кудышевых — сыновей и внуков доживающей свой век «старой барыни» Анны Михайловны. О быте и нравах их предков кратко сообщается в самом начале повествования. Так, отец братьев, помещик Николай Николаевич охарактеризован как «помесь крепостника с вольтерьянцем, самодура с сентиментальным мечтателем, одинаково способным как к рыцарскому поступку, так и к варварскому своеволию» [2. Т. 1. С. 11]. Судьба же внуков, детей старшего брата Павла Николаевича — Петра, Наташи и Женьки и сына среднего брата Дмитрия — якутенка Ваньки, остается незавершенной, поскольку, доведя повествование до событий 1905 года, Чириков поставил точку в рассказе о дворянской семье.

Тип повествования в семейной хронике обычно представляет собой рассказ о предках от лица внука или объективно-авторское изложение событий. В «Отчем доме» на первый взгляд очевидна установка рассказчика на максимальную объективность. Он находится в одном измерении с читателем, никак не участвуя в действии, легко проникает во внутреннее состояние персонажей, точно фиксируя малейшие душевные движения. Однако мы не можем говорить об абсо-

лютой беспристрастности и отстраненности повествователя, что выражается, прежде всего, в языке. В тексте широко используются экспрессивно-оценочные, а порой даже просторечные слова и выражения («придворная камарилья», «словесные бомбы», «снюхался», «наплевать» и т.п.). Рассказчик постоянно апеллирует к читателю посредством вопросительных («Разве не более бессмысленна идея просвещенного науками идеолога — выварить 60 миллионов мужиков в фабричном котле?») и восклицательных («Для мужика в „мужицком царстве“ сахар был непосильной по цене роскошью, между тем как в Англии русским сахаром откармливали свиней!») предложений. Такое смешение в тексте художественного и публицистического стилей является отличительной чертой творческого метода Чирикова, с помощью которого он добивается максимального воздействия на читателя.

Значительную помощь в осмыслении жанрового своеобразия «Отчего дома» может оказать обращение к проблеме трансформации жанра «классического» русского романа в семейной эпопее Чирикова.

Во-первых, заглавие эпопеи — «Отчий дом» — сразу же отсылает нас к образу «дворянского гнезда», изображенному И.С. Тургеневым в одноименном романе. «Гнездо» — это символ семьи, родительского дома, где не прерывается связь поколений. В романе же на примере родословных Лаврецких и Калитиных показан разрыв этой связи, что ведет к постепенному вырождению и разрушению структурообразующих «клеток» дворянского сословия. Причину этого Тургенев видит в оторванности дворянства от народных «корней», проявляющейся, с одной стороны, в образе «барства дикого», а с другой — в рабелепном преклонении перед Западной Европой.

Той же культурной пропастью Чириков объясняет существующее непонимание между Кудышевыми и их бывшими крепостными. Жизнь обитателей барского дома воспринимается крестьянами как непрекращающийся праздник. И если «Павла Николаевича мужики... видят занятым по хозяйственным делам», а «старая барыня в другой раз кипятится да ругается», то все остальные только и делают, что «поют, пляшут, играют в игры разные, книжки читают, пьют да едят...» [2. Т. 1. С. 70]. Поэтому все попытки Кудышевых «опроститься» и влиться в крестьянскую жизнь воспринимаются мужиками как «барское баловство от безделья» [2. Т. 1. С. 71].

Во-вторых, образ дома и живущего в нем большого семейства заставляет еще раз вспомнить Толстого и его «мысль семейную», которую писатель утверждал в эпопее «Война и мир». Для Толстого семья — это не только и не столько кровное, сколько духовное родство, что писатель показывает на примере трех семей (Болконских, Ростовых и Курагиных). Художник развенчивает духовно омертвевших Курагиных, где отца и детей объединяет лишь стремление к завоеванию положения в обществе, и противопоставляет им Болконских и Ростовых, обладающих крепкой духовной общностью, которая основывается на искренности чувств, высокой духовности и близости к народу.

Несмотря на то, что мать и дети живут под одной крышей, о духовном единстве в семействе Кудышевых говорить не приходится. «Дети одной семьи, рожденные на протяжении менее одного десятилетия, братья казались людьми трех взаимно отрицающих друг друга поколений» [2. Т. 1. С. 17]. Общение братьев представляет собой постоянные склоки на почве политики, в результате которых отчий дом распадается на четыре «стана», в каждом из которых живут «дворяне из рода Кудышевых, но общего между ними либо очень мало, либо и нет ничего» [2. Т. 3. С. 13]. Летом же, когда наезжают многочисленные гости, ситуация усугубляется. Дом, по выражению Анны Михайловны, буквально превращается в «зверинец с отделениями». Возмущает хозяйку и то, что гости начинают без спроса распоряжаться дворней и лошадьми, приглашать в чужой дом собственных гостей. Но более всего приводит мать в отчаяние то, что родное гнездо губят ее собственные дети, не только не желающие помогать в хозяйственных делах, но, более того, стесняющиеся своего дворянского, «эксплуататорского» происхождения, вследствие чего они готовы распродать землю за бесценок.

Изображая столкновения братьев по политическим вопросам, Чириков обращается к традиции «идеологического» романа, прежде всего тургеневских «Отцов и детей». В основу своего романа Тургенев положил, с одной стороны, «вечную» для классической литературы проблему поколений, с другой, — конфликт двух социально-политических сил, действовавших в России в 60-е годы: либералов и демократов. Поэтому помимо собственно сюжетной линии и обрисовки характеров персонажей Чирикову было важно изобразить столкновение идей, обнаружить своеобразие политических программ (народничества, народофильства, толстовства, хлыстовства, либерализма, марксизма). В трех братьях Кудышевых (либерале Павле Николаевиче, народолюбце Дмитриии и Григории, которого с некоторыми оговорками можно отнести к толстовцам) писатель изобразил представителей русской интеллигенции, в которых воплотилась «революционная идеология», заведшая, по его мнению, Россию в тупик, поскольку интеллигенция опиралась на абстрактные идеи, совершенно неприложимые к реальной действительности, и не отдавала себе отчет в истинном положении народа.

Вспомним, что Павел Петрович Кирсанов, упрекая Базарова в презрении к народу (тот уверен, что «русский мужик бога слопаёт», «мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке» и т.д.), в то же время идеализирует то, что, по мнению Базарова, «душит» Россию: патриархальную отсталость, суеверия и долготерпение русского мужика. И герои Чирикова, ведя принципиальные споры о наилучших способах устройства крестьянского благополучия, в действительности не замечают примелькавшихся Ивана, Никиту, Марью или Дарью и относятся к ним, как к некой «алгебраической, отвлеченной величине», которой привыкли распоряжаться «без всяких церемоний» [2. Т. 1. С. 57].

Чириков предостерегает читателя от рассудочного, «холодного» теоретизирования, что отсылает нас к проблематике «антинигилистического» романа, в частности «Бесов» Ф.М. Достоевского, где автор также противопоставил революционных демократов и либерально настроенную часть русской интеллигенции. Ведь

«теоретическое», гуманистически отвлеченное служение человечеству, по мысли Достоевского, в конечном итоге оборачивается его духовным и физическим уничтожением. Благие идеи, когда в своих целях их начинают использовать мошенники и аморальные люди (вроде Петра Верховенского, Лямшина, Шигалева и др.), неизбежно приводят к уравниванию понятий добра и зла, вследствие чего преступление начинает восприниматься как благородный поступок, а «разбойник и убийца» становится в глазах общества героем.

Не просто бесом, но самим Антихристом, соблазняющим души, предстает в глазах Чирикова Ленин. «Маленький господинчик... носит в себе огромнейшую гордыню. Это не марксист, а Герострат какой-то, вознамерившийся взорвать не один храм Дианы, а все храмы на земле вообще», — так озвучивает мнение автора один из персонажей романа [2. Т. 2. С. 106]. И хотя «первый ленинский опыт» — московское восстание 1905 года — оказался неудачным, это «искушение революцией», в котором интеллигенция не смогла разглядеть обмана и предательства, предрешило, по мнению писателя, все последующие исторические катаклизмы, роковым образом повлиявшие на Россию.

Вводя в повествование помимо вымышленных персонажей реальные исторические фигуры (Ленина, Крупскую, Бонч-Бруевича, получившего в тексте говорящую фамилию Вронч-Вруевич, М. Горького и др.), Чириков намечает контуры исторического романа. В то же время художник не притязает на абсолютную достоверность описываемого, допуская порой отступление от фактов (по всей очевидности, сознательное). Например, после известия о казни старшего сына Ульяновых, Александра, Анна Михайловна Кудышева решает навестить его семью. Ее пугает отец, сошедший, как ей кажется, с ума от горя. Однако известно, что к моменту казни сына его уже не было в живых. Поэтому можно говорить о том, что Чириков, по-своему осмыслив традицию исторического романа Серебряного века, предлагает в своем романе определенную концепцию истории, «тасуя» и переиначивая события второй половины XIX века.

Таким образом, стремясь найти адекватное воплощение своему замыслу, автор на базе семейной хроники создает новую жанровую форму — хронику общественно-политической жизни и умонастроений российского общества — и, тем самым, опровергает созданный критиками образ Чирикова как простого бытописателя, не способного к глубоким философским обобщениям.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. — М.; Париж: Русский Путь — УМСА-press, 1996.
- [2] *Чириков Е.Н.* Отчий дом. — Белград, 1929—1931.
- [3] Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Т. 3. Книги. — М.: РОССПЭН, 2002.
- [4] *Грачева А.М.* «Семейные хроники» начала XX века // Русская литература. — 1982. — № 1. — С. 64—75.

«THE PATERNAL HOUSE» IS A GRAND TOTAL OF E.N. CHIRIKOV'S GENRE SEARCHING

A.V. Nazarova

History of Russian Literature XX Century Department

Moscow State University

Vorob'evy gory str., 1, Moscow, Russia, 119991

The article deals with the genre peculiarity of family chronicle «The Paternal House», in particular the question is about influence and transformation genre of russian «classic» novel in structure of E.N. Chirikov's creative work.

Key words: Emigrant prose, E.N. Chirikov, the family chronicle, genre, the novel-epopee.